
РАКУРСЫ: «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

И.В. КУДРЯШОВА

РЕЖИМНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ ВОСТОКЕ*

«Арабская весна» убедительно продемонстрировала как масштабы общественного запроса на перемены, так и уязвимость стабильно-консервативных режимов региона перед лицом новых социально-политических вызовов. Активированные ею процессы (расширение политического участия, снижение легитимности / делегитимация власти, исламизация политического пространства, рост кланово-племенного регионализма и этноконфессиональной напряженности) вновь выдвинули в центр внимания политологического сообщества проблематику стабильности и изменений, или факторов режимных трансформаций. Выбор настоящей темы для статьи представляется важным и потому, что во многих случаях подход к освещению арабских событий имеет откровенно предвзятый и/или односторонний характер. На волне общественного интереса к региону и появления множества публикаций в одних работах мы читаем об угрозе исламского радикализма и новых халифатов, в других – об «оранжевых революциях», организованных Западом с целью перераспределения контроля над энергетическими ресурсами, в третьих – о целенаправленном создании миро-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-03-00468 «Ислам и современное политическое развитие мусульманских государств».

вым правительством «управляемого хаоса» и обрушивании национального государства.

Опуская откровенно поверхностные и идеологизированные материалы, сразу отметим, что признаем правоту тех авторов, которые отмечают значение внешних факторов в текущих политических кризисах. Однако, по нашему мнению, их воздействие имело неоднозначный характер: в большинстве случаев оно проявилось опосредованно, не было доминирующим и имело своим источником политические и экономические интересы как западных стран, так и макрорегиональных¹ игроков: Саудовской Аравии, Катара, Турции, Ирана. Таким образом, «арабская весна» – в первую очередь автохтонный процесс, логика которого определяется как общими (утратой политической системой необходимого уровня и качества управляемости), так и особенными для каждой политики факторами (например, временем формирования суверенной государственности или характером конфессиональных размежеваний). Чтобы изложить нашу позицию и определить содержание происходящих изменений, представляется необходимым осветить следующие вопросы: а) факторы стабильности арабских режимов в 1990–2000-е годы; б) вовлеченность региона в мировую политику демократизации; в) дестабилизация режимов и происходящие изменения; г) перспективы разрешения кризиса.

Стабильность арабских режимов

С началом постбиполярной эры и активного подключения к капиталистической интернационализации / глобализации арабские элиты были вынуждены задуматься о проведении политических реформ с целью повышения уровня управляемости и укрепления легитимности в международной и внутренней сферах. В той или иной степени реформы затронули как республиканские, так и монархические системы. Приведем лишь некоторые примеры: 1989 г. – после более чем двух десятилетий «каникул» возобновлены парламентские выборы в Иордании; 1990 – расширен состав сирийского парламента за счет увеличения квоты для независимых депутатов; 1992 – восстановлены регулярные выборы в Кувейте,

¹ Имеется в виду макрорегион «Большого Ближнего Востока».

принят «Основной закон о государственной власти» и образован Консультативный совет в Королевстве Саудовская Аравия (КСА); 1993 – первые многопартийные выборы в Йемене; 2002 – муниципальные выборы (с участием женщин) и выборы в Палату представителей на Бахрейне; 2003 – принятие конституции в Катаре, провозгласившей принцип прямых выборов в будущую законодательную ассамблею; 2005 – частичные муниципальные выборы в КСА, первые альтернативные прямые президентские выборы в Египте и наделение женщин Кувейта пассивным и активным избирательным правом; 2006 г. – первые частичные (половины из 40 депутатов) непрямые выборы в Национальный федеративный совет ОАЭ при установленной квоте каждого из эмиратов и расширение состава Консультативного совета КСА до 150 членов. С 2003 г. в КСА (при формальном, как и в других аравийских монархиях, запрете политических партий) стал функционировать Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза с целью создать «новую среду, способствующую диалогу между различными секторами общества во имя продвижения общественного интереса и консолидации национального единства на основе ислама» [Ахдаф аль-Марказ...]. Ежегодные раунды диалога посвящены по-настоящему острым для королевства вопросам: от «террористического подполья» (обвиняющего короля в отходе от исламских норм) до прав и обязанностей женщин и взаимодействия с другими культурами и миром. Еще одним важным фактором стабильности монархических систем (КСА, Кувейта, Иордании и др.) стала отлаженная с помощью иностранных специалистов система административного управления.

Однако одновременно с либерализацией имело место ужесточение контроля над СМИ, уровнем политических прав и свобод и оппозицией (чаще всего под предлогом борьбы с исламистским экстремизмом). В первую очередь это касалось сильных исламистских организаций. Например, в Тунисе при формальном сохранении многопартийности бывший президент Зин аль-Абидин бен Али в 1992 г. запретил партию «Ан-Нахда» («Возрождение») и обеспечил политическую монополию собственной Конституционно-демократической партии. Хосни Мубарак сохранил в Египте действие закона о чрезвычайном положении, введенного после убийства президента Анвара Садата в 1981 г., и отказался легализовать крупнейшую оппозиционную ассоциацию «Братьев-мусульман»,

члены которой участвовали в выборах либо в качестве независимых кандидатов, либо в блоке с другими партиями, заведомо проигрывая «партии власти». Более того, в поправках в конституцию, внесенных в 2007 г., содержался запрет на создание партий на основе религии и ссылок на религию, а выдвижение кандидата на пост президента могло быть осуществлено только зарегистрированной партией [Дустур Джумхурийат...]. Бюрократический контроль режима над идейно-политической сферой привел к застою не только в политической, но и в культурной жизни. В стране резко упали число и тиражи издаваемых газет, журналов, книг.

В Сирии, где в 2000 г. власть после смерти президента Хафеза Асада перешла к его сыну, была конституционно закреплена ведущая роль левоцентристской партии «Баас», которой принадлежало право выдвижения кандидата в президенты. Национальный прогрессивный фронт, состоящий из «Баас» и ее союзников, в 2007 г. получил на парламентских выборах 167 мест из 250. И в Сирии, и в Египте значимую роль в общественно-политической жизни играла армия, имеющая собственную экономическую базу (часть госсектора): промышленные предприятия, строительный бизнес, пенсионные фонды, туризм и др.

В Ливии Муаммар Каддафи продуктивно использовал традиционные институты (союзно-вассальные связи племен и ислам). Племенной этос был соединен с «третьей мировой теорией», которая трактовала демократию как систему народного самоконтроля. Все население страны делилось на первичные народные собрания. Всеобщий народный конгресс по сути представлял собой разновидность великого совета, одобрявшего решения первичных собраний, но не делавшего политику. Подлинным законом общества в «Зеленой книге»¹ были провозглашены ислам и обычай. Власть стала принадлежать всем – и вопрос о ее подотчетности как бы отпал. В таких условиях не нужна была и формальная институционализация лидерства: Каддафи стал «просто» вождем. Единственными живыми политическими организмами оказались законсервированные традиционалистские силы – племена и разнообразные исламские группы.

¹ Программный труд М. Каддафи, излагающий основы «третьей всемирной теории», противопоставляемой научному социализму и экономике капитализма.

Причудливое сочетание авторитарных и либеральных начал позволяет определить выживаемость арабских режимов в 1990–2000-х годах как комбинацию функций репрессивного принуждения и легитимности, при которой уровень репрессий относительно стабилен, а уровень легитимности власти и ее источники изменяются. Вовне в институциональном плане легитимность стали поддерживать новые или реорганизованные политические и общественно-политические институты (выборы, партии, неправительственные организации, гуманитарные фонды) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет представителей бизнеса и технократов. Широкое распространение получила «экономизация» политического дискурса – удержание в поле общественного внимания в первую очередь вопросов экономики, финансов, технологий.

Использование современных политических форм свидетельствовало, безусловно, о проникновении в регион новых политических стандартов, но не о демократизации. Умеренно-альтернативные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций имели целью удержать управляемость политической системы путем неформальных сделок с представителями традиционных элит на местах и дозированного доступа оппозиции в легислатуры. Но и большинство населения в силу доминирующего типа культуры (парохиально-подданнического) голосовало (там, где существовал институт выборов) не за партийные программы или идеологию, а за кандидатов, которые, как предполагалось, обеспечат им определенные личные блага (помощь в поиске работы, получении лечения и др.). Уровень электоральной активности оставался низким: например, в Египте в парламентских выборах 2005 г. принимали участие менее 28% избирателей, президентских – менее 24% [Shehata, 2008, p. 114]. Агрегация интересов преимущественно через патрон-клиентские связи (это также очень характерно для монархических систем, где поддерживается система традиционного доступа населения к власти имущим) определяла видимую статичность политического процесса.

Как ни парадоксально, но реально действующими социальными организациями, способными обеспечить лояльность индивидов, служить сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, оставались мусуль-

манские общины. Опора на общины обеспечивала умеренным исламистским организациям политическую автономность.

Почему недемократические режимы арабского региона¹ так долго сохраняли свою устойчивость? На наш взгляд, дело здесь не в «хронической несовместимости ислама с демократией» [см.: El-hadj, 2006; Bruce, 2003; Huntington, 1996], а в том, что они имеют свои источники легитимности и управления: традиционные ценности, неопатримониализм, возможность прибегать к силе и неформальным механизмам наряду с современными институциональными формами. Словом, они способны адаптироваться к требованиям среды, пока не столкнутся с острым дефицитом ресурсов и институциональными сбоями.

Арабский Восток в мировой политике демократизации

Освобождение Кувейта силами многонациональной коалиции во главе с США в 1991 г. стало первым масштабным актом вхождения Запада в ближневосточное пространство после распада биполярности. Успех этой операции выявил новые возможности установления многостороннего контроля над регионом и его подключения к процессам формирования нового мира.

В начале 1990-х годов Европейский союз приступил к подготовке проекта Евро-средиземноморского партнерства (EUROMED)², старт реализации которого был дан учредительной конференцией в Барселоне (1995). Проект имел как двусторонний (страновые соглашения об ассоциации с ЕС), так и макрорегиональный (интеграционный) характер и был направлен, особенно учитывая участие Израиля, на установление новой рамки геополитического взаимодействия с арабскими соседями и превращение Средиземноморья в зону мира и стабильности [см.: Barcelona declaration].

¹ Из всех стран региона демократические институты реально функционировали, хотя и с перебоями, только в Ливане, где центральная власть исторически слаба.

² Евро-средиземноморское партнерство (Барселонский процесс) – соглашения об ассоциации ЕС и восьми арабских стран Южного и Восточного Средиземноморья (включая Палестинскую национальную автономию), а также Турции и Израиля; статус наблюдателя имели Ливия, Мавритания, Лига арабских государств и Союз арабского Магриба.

В 2004 г. произошло дополнение EUROMED стратегией Европейской политики соседства (European Neighbourhood Policy, ENP), в которую после снятия международных санкций вошла также и Ливия. Инструменты ENP были призваны содействовать более интенсивному политическому диалогу, расширению доступа к программам ЕС и усилению сотрудничества в сфере законности и внутренней политики.

Несмотря на наличие постоянного механизма обсуждения, организационной структуры и специального бюджета, результаты реализации евро-средиземноморской инициативы к середине 2000-х годов выглядели неоднозначно. В частности, среди недостатков эксперты отмечали отсутствие ясного политического месседжа, недостаточность усилий по запуску реформ, несбалансированность отношений между членами ЕС и партнерами, медлительность в финансовом сотрудничестве, бюрократизм [Rhein, p. ix-x].

Крайне негативное влияние на деятельность EUROMED оказала война в Ираке, начатая в 2003 г. США при поддержке многонациональной коалиции. На юбилейном саммите 2005 г. из арабских лидеров присутствовал только глава Палестинской национальной автономии Махмуд Аббас.

Вдохнуть жизнь в затухающее сотрудничество был призван проект нового союза, который ограничил бы число участников партнерства средиземноморскими странами. Он был выдвинут бывшим президентом Франции Николя Саркози, но встретил сильную оппозицию со стороны Германии, воспринявшей ее как продвижение национальных интересов Франции за счет ЕС. В итоге проект Средиземноморского союза (Union for Mediterranean, UfM) был представлен как естественное продолжение Барселонского процесса и региональное дополнение ENP. Его стратегическими целями остались экономическая интеграция и демократические реформы, хотя приоритетные направления были приземлены и конкретизированы [см.: Euro-Mediterranean...].

Наряду с ЕС демократизацией региона были озабочены НАТО, «Группа восьми», институты ООН и, конечно, США, декларировавшие продвижение реформ на Арабском Востоке в качестве внешнеполитической цели.

В 1994 г. был запущен Средиземноморский диалог, мыслившийся как форум сотрудничества в целях содействия региональной

безопасности и лучшему взаимопониманию между НАТО, Израилем и шестью арабскими странами¹. Эта структура объективно была обречена на ограниченную роль из-за политических разногласий между участниками. В 2004 г. она была дополнена Стамбульской инициативой сотрудничества², принятой в целях развития уже практического двустороннего сотрудничества с заинтересованными странами региона.

В 2004 г., после вторжения в Ирак, США на саммите «Группы восьми» выдвинули мегаплан «Большого (расширенного) Ближнего Востока», предусматривающего ускоренное продвижение политических и экономических реформ на территории от Мавритании до Пакистана. Он был критически воспринят – и не только в арабском мире – по целому ряду причин: запелляционному тону, игнорирования разнообразия региона, отсутствия каких-либо консультаций, в том числе с европейскими партнерами, замалчивания арабо-израильского конфликта и др. У самой американской администрации так и не возникло обоснованных идей относительно того, как можно реально добиться поставленных задач, если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговли (по аналогии с EUROMED) и специализированных программ Государственного департамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства (The Middle East Partnership Initiative, MEPI). Основным каналом продвижения «демократии» стали постоянное внешнеполитическое давление и деятельность различных правительственных и неправительственных организаций, в первую очередь Агентства США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), Национального фонда поддержки демократии (National Endowment for Democracy, NED) и MEPI, по развитию гражданского общества.

NED фактически правительственная структура, хотя формально может дистанцироваться от официальной линии США. Это, в частности, позволяло Фонду поддерживать контакты с умеренными исламистами [Carpenter, 2008, p. 13]. В 2000-х годах он

¹ Участниками диалога являются Тунис, Марокко, Мавритания, Алжир, Египет и Иордания.

² Арабскими участниками инициативы являются Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ.

активно занимался микрофинансированием различных общественных организаций и акций.

Усилия МЕРИ в основном сосредоточены на проведении общественно-политических и просветительских акций, включая финансирование либеральной прессы. Часть ее проектов осуществлялась через американские дипломатические представительства, совместные торгово-промышленные палаты и деловые советы.

Крупнейшая из этих организаций – правительственная USAID работает непосредственно с властными структурами соответствующих стран с целью реализации программ помощи. Агентство имеет общий стратегический план действий с Государственным департаментом, цели которого предусматривают в том числе содействие «справедливому и демократическому правлению». В 2008 г. в его распоряжении было более 24 млрд. долл., в 2010 г. – около 32 млрд. [Fiscal year 2008 Agency financial report, p. 19; Fiscal year 2010 Agency financial report, p. 21].

Однако многочисленные инициативы по продвижению демократии и развитию гражданского общества (политика «мягкого влияния») объективно были значительно ограничены как авторитарной природой арабских режимов, так и спецификой самих гражданских структур, где, как отмечалось выше, ведущую роль играют исламистские организации, отвергающие принципы либеральной демократии. Это создавало серьезные проблемы для американской внешней политики – фактически у США на ближневосточном направлении не было средств влияния на внутривластную ситуацию (за исключением прямого вмешательства по типу Ирака). С приходом к власти Барака Обамы и началом мирового экономического кризиса финансирование «программ демократизации» было сокращено.

США придавали огромное значение строительству демократии в Ираке, рассматривая его как своего рода пилотную страну региона. Однако в 2006 г. из-за истощения финансовых и военно-технических ресурсов началась пробуксовка «войн за демократизацию», да и вся политика «принуждения к партнерству» (Алексей Богатуров) оказалась в подвешенном состоянии. Двойственный характер имела известная речь Обамы в Каире (2009), где он много говорил об уважении к исламу, воле народов и суверенитете Ирака,

но также о приверженности демократии и готовности повсюду поддерживать права человека [Obata, 2009].

Экономические реалии, привнесенные капиталистической интернационализацией 1990-х годов, также имели для арабского мира противоречивые последствия. Либерализация экономики¹ и сотрудничество с такими международными институтами, как МВФ и Всемирный банк, позволили ему подключиться к мировым хозяйственным связям, привлечь инвестиции, получить технологическую поддержку, осуществлять инфраструктурные программы и др., но вместе с тем сделали заложником мировой экономической конъюнктуры. Страны, которые прибегали к помощи МВФ, были вынуждены соблюдать финансовую дисциплину и ограничивать социальную нагрузку бюджета. Особенно болезненно это было для тех, кто не входил в круг крупнейших экспортеров углеводородов и имел в силу прошлой «социалистической ориентации» значительный государственный сектор экономики (Египет, Тунис, Сирия). Реформа этого сектора, помимо социально-экономических последствий, была весьма чувствительной в силу его идейной привязки к борьбе за независимость, арабскому социализму и эгалитаризму.

В результате структурной перестройки экономики по крайне консервативному (или, точнее, неолиберальному) Индексу экономической свободы 2010 г. «преимущественно свободным» был признан Бахрейн, «умеренно свободными» – Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ, Иордания, Королевство Саудовская Аравия, «преимущественно несвободными» – Ливан, Марокко, Египет, Тунис, Алжир, «подавляемыми» – остальные² [2010 Index...]

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. по-разному, но значительно затронул страны региона, увеличив социально-политическое давление на правящие элиты. Рост цен на продовольствие в первую очередь ударил по нефтетяным экономикам (регион является крупнейшим в мире импортером зерновых и продуктов питания). Наиболее диверсифицированные экономики (Египет, Иордания, Ливан, Марокко и Тунис) пострадали от со-

¹ С 1995 по 2005 г. в ВТО вступили следующие государства – члены Лиги арабских государств: Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Катар, Кувейт, Мавритания, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Тунис; еще семь арабских стран являются кандидатами на членство в организации.

² По этому индексу, однако, все упомянутые страны опережают Россию.

кращения внешнего спроса (снижение туристического потока, перечислений рабочих-иммигрантов и прямых иностранных инвестиций). Нефтепроизводители выиграли от роста цен на сырье, но высокие цены поддерживались за счет существенного сокращения производства. Они также понесли большие потери от кризиса ликвидности и замораживания оптовых рынков. Кризис усилил противоречия не только между обществом и правительством, но и между бюрократами и группами интересов внутри правительства (например, экономическим менеджментом и политической бюрократией).

Таким образом, внешние усилия по демократизации региона прямо не продвинули демократических реформ и не способствовали созданию политической инфраструктуры урегулирования будущих кризисов. Государственная бюрократия, военные и другие клики продолжали доминировать на политической арене. Не западное влияние стало и непосредственной причиной резкой дестабилизации – и США, и Европа в целом действовали прагматично, особенно после исчерпавших себя «войн за демократизацию».

Однако общее влияние международной среды было очень велико и выражалось прежде всего в так называемых «демонстрационных эффектах глобализации» (уровень и качество жизни в различных странах мира, подотчетность власти, функционирование демократических институтов, уважение прав человека и др.), к которым особо восприимчива молодежь. Эти эффекты обусловили и чувство социальной депривации даже в условиях объективного роста уровня жизни. Восприятию новых политических образцов также способствовала трудовая миграция, усилившаяся в результате структурной перестройки экономики и экономического кризиса. Развитие новых коммуникационных и информационных технологий привело к распространению неформальных сетей, которые политические обстоятельства трансформировали в гражданские структуры. Уже в 2008 г. в крупнейшей стране региона – Египте – насчитывалось 180 000 блогов (40% всех арабоязычных социальных сетей) [What Arab democrats...] Молодые блоггеры успешно использовали электронные СМИ для мобилизации единомышленников на протестные выступления. Группы в Facebook и видео на YouTube учили, как быть политически равнодушным и фиксировали внимание последователей на острейших политических во-

просах, в частности нарушениях прав человека. Весной 2008 г. в Египте прошли самые массовые за многие годы акции протеста и гражданского неповиновения. Центром протестов стала забастовка рабочих в промышленном районе аль-Махалла аль-Кубра, в ходе которой был выдвинут лозунг отставки Мубарака. Движение, созданное в поддержку бастующих, превратилось в Движение 6 апреля, сыгравшее позднее важную роль в генезисе египетской революции.

Сдвиги, произошедшие в умонастроениях граждан, зафиксировали социологические опросы. По данным «Пью рिसерч сентр», в апреле-мае 2010 г. представления о демократии среди граждан семи мусульманских стран выглядели следующим образом (будем иметь в виду, что в несвободных странах часть респондентов опасаются отвечать откровенно) [Египт, democstasy... Q17]:

	Демократия предпочтительней любой другой формы правления (%)	В определенных обстоятельствах недемократическое правление может быть предпочтительней (%)	Для таких, как я, неважно, какую форму правления мы имеем (%)	Не знаю (%)
Ливан	81	12	5	2
Турция	76	6	5	13
Иордания	69	17	10	4
Нигерия	66	18	16	1
Индонезия	65	12	19	4
Египет	59	22	16	2
Пакистан	42	15	21	22

Примечательно, что в мае 2011 г., в условиях острейшего кризиса власти и систем жизнеобеспечения, на первый вопрос в Египте утвердительно ответили уже 71% респондентов [Arab spring fails... Q8], а на вопрос «Что предпочтительней: сильный лидер или демократия?» сильного лидера предпочли только 34% [Arab spring fails... Q57].

Дестабилизация режимов и изменения

Внутренние факторы «арабской весны» можно суммировать следующим образом:

– разбалансированность политической, экономической и культурно-образовательной стратегий правящих режимов;

– социальный конфликт, вызванный как сменой модели взаимоотношений граждан с государством в период экономической и политической либерализации, так и недостаточными компенсаторными механизмами (характерен для государств, лишенных значительных нефтяных доходов);

– отсутствие / слабое развитие инфраструктуры разрешения кризисов (реальной политической конкуренции, структурированной оппозиции, выборов, представительных институтов);

– значительный рост доли молодежи в демографической структуре (в результате всплеска рождаемости в 1985–1990-х годах 63% населения Ближнего Востока на 2008 г. были моложе 25 лет [What Arab democrats...]) и формирование нового образованного молодого поколения, социализированного в большой степени в условиях постматериальных ценностей;

– усталость населения от правящих элит из-за отсутствия не только конкуренции, но и ротации;

– оскудение идейных ресурсов политических элит.

Развитие и интенсивность «арабской весны» определялись в каждой из затронутых ею стран конкретными комбинациями факторов и имели широкий спектр проявления – от демонстраций до вооруженных конфликтов и смены режима.

Какие же арабские политии оказались на настоящий момент наиболее глубоко затронуты общественно-политическими трансформациями? Это республиканские системы с неконкурентной политической сферой и не легализованными ранее исламистскими партиями (Тунис, Египет, Сирия); республиканские системы с конкуренцией политических и экономических центров (Ливия, Йемен); монархические системы с совпадающими секторальными (конфессиональными, социально-политическими и социально-экономическими) размежеваниями (Бахрейн).

Логичным представляется рассматривать происходящие изменения в рамках пятой волны демократизации¹, начало которой

¹ В зависимости от интерпретации исторических событий политологи выделяют от трех (С. Хантингтон) до четырех (Ф. Шмиттер) волн демократизации. По нашему мнению, реверсивное движение «от демократизации» на постсоветском пространстве вписывается в откат четвертой волны, а крах диктатуры Су-

положило свержение диктатуры Сухарто в Индонезии (1998). После падения его режима большинство ограничений на деятельность партий и СМИ были сняты, и в истории Индонезии начался период так называемого «исламского плюрализма», название которому дало как огромное количество исламских партий (более 20), так и расхождение их идейных позиций [Fealy, 2005, p. 163–166]. Это объективно отразило этнокультурное, доктринальное и географическое разнообразие индонезийской *уммы* и, как следствие, преобладание толерантности и распространённость союзов с исламскими региональными политическими силами.

«Пятую волну» многие исследователи полагали запаздывающей именно из-за прочных позиций авторитаризма на Ближнем Востоке. Сегодня эти позиции существенно ослаблены. Что позволяет так считать? Во-первых, во всех протестных выступлениях выдвигались (и продолжают выдвигаться) лозунги борьбы с авторитаризмом, за демократию и права человека. Во-вторых, сами события имели массовый характер и развивались «снизу» (не случайно некоторые из них получили название «революций без лидера»). В-третьих, в ряде стран они уже принесли свои плоды в виде демократических выборов, либерализации законодательства, изменения конституций и др.

Свободные выборы в Тунисе, Марокко и Египте свидетельствуют о поляризации сил. Исламистская партия «Ан-Нахда» получила около 40% мест в Конституционной ассамблее Туниса [Final Tunisian election...], исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) – 27% мест на парламентских выборах в Марокко (2011) [AgiEFF, 2011, p. 3], исламистская Партия свободы и справедливости (ПСС) – 47,2%, а блок традиционалистских партий во главе с «Ан-Нур» (салафиты)¹ – 24,7% мест на парламентских выборах в Египте

харто знаменует начало пятой волны демократизации, географически связанной преимущественно с зоной распространения ислама.

¹ Политически активные салафиты, выражая интересы крайне консервативной части мусульман, осуждающих, в частности, сам институт парламента и партий на основании суры «Аль Имран» («И не будьте таковы, как те, которые разделились и стали разногласить...») (3:105), осознали значение свободных выборов, создали партии, выступили единым блоком и включили в свой список женщин, разрешив во втором туре выборов даже не прикрывать на плакатах их лица цветком (!).

(2011–2012) [Аль-Ахрам]. Показательно, что наибольшую поддержку завоевали умеренные исламистские партии, имеющие массовую базу, высокую моральную репутацию и призывающие к широкому сотрудничеству на основе общегражданских и культурных ценностей.

В частности, ПСС была образована в апреле 2011 г. «Братьями-мусульманами», осознавшими необходимость идейной и политической реорганизации в новых условиях. Фактически ее создание означало размежевание между членами этой широкой ассоциации, поскольку партия позиционируется уже не как «братская», а как общенациональная. Ее вице-председателем избран известный христианский мыслитель, копт Рафик Хабиб, а учредительные документы подписаны представителями всех провинций страны (среди них 978 женщин и 93 копта).

О политической зрелости ПСС, ее готовности к диалогу свидетельствует позиция руководства «Братьев» на последних «мубараковских» промежуточных выборах в Консультативный совет (аналог верхней палаты). Тогда она достигла договоренности о поддержке единых кандидатов с различными силами оппозиции – от либеральной «Вафд» до левой «Таджаммуа». В провинции Асьют, где не раз происходили конфликты между мусульманами и коптами, «Братья» поддержали кандидата-христианина. В преддверии выборов 2011 г. ПСС приняла решение отказаться от испытанного лозунга «Ислам – вот решение» в пользу нового: «Свобода – вот решение, справедливость – путь к ней». И традиционалисты, и исламисты выдвинули своих кандидатов на президентских выборах (май 2012 г.).

Ход и направленность системных трансформаций в арабских полициях в большой степени модифицируются характером текущих этапов государственного и национального строительства. Учет этого обстоятельства позволяет определить перспективы происходящих процессов, взяв за основу общий уровень институционального развития. Они представляются следующими:

- демократизация – Тунис, Египет (именно в этих двух полициях в XIX в. появились представительные учреждения и партии);
- для остальных республиканских систем, Марокко и Иордании, – ускорение либерально-демократических реформ;

– для монархий стран Персидского залива – продолжение плавной либерализации;

– состояние политического распада/полураспада – Ливия, Йемен, Сирия (ситуация в последней во многом зависит от баланса сил в регионе «Большого Ближнего Востока» (КСА – Иран – Турция) и интересов России и Китая).

Вместо заключения: Перспективы преодоления кризиса

В настоящее время политические системы затронутых волнениями арабских стран находятся в переходном состоянии. Вектор дальнейшего движения будут определять зависимые переменные: результаты формирования коалиций и политических курсов. Только разработка и реализация новых программ позволят говорить о том, будут ли в обозримом будущем иметь место преобразования, способные уравновесить противоречивые требования и интересы.

По нашему мнению, ислам в политике – не препятствие современному развитию. Можно ли считать радикалами мусульман, чьи жизненные позиции определяет вера в Бога? Для верующих мусульман соединение политического и религиозного не является проблемой – проблема в том, какие цели ставит изначально санкционированная религией власть, насколько ее курс отвечает национальным интересам.

Иллюстрацией объективности происходящих процессов может быть светская со времен Ататюрка Турция. После очередного перехода власти от военных к гражданскому правительству в 1980-х годах там начинается открытая корректировка самого концепта светского национализма, вызванная необходимостью ускорения развития и, следовательно, укрепления демократической системы как таковой. В 1986 г. при праволиберальном правительстве Тургута Озала была официально одобрена идея национальной культуры, в основе которой лежит тюркско-исламский синтез, что открыло дорогу в политику религиозным сектам и исламистам. Первым «происламским» премьером Турции на короткий срок стал в 1996 г. Неджметтин Эрбакан – и тогда этот выбор казался многим случайным, а сами планы правящей коалиции – наивными. Но это была не случайность, а смена тенденций.

В 2002 г. во власть уверенно вошла Партия справедливости и развития – социальные консерваторы, разделяющие исламские ценности.

Политический ислам, как показывает исторический опыт, способен к эволюции. Беда многих исламистских организаций (тех же «Братьев-мусульман») в том, что они, с одной стороны, аморфны, а с другой – не производят ревизии концепций и платформ, разработанных в иные политические периоды. Работы наиболее известного и радикального идеолога «Братьев» Сейида Кутба продолжают циркулировать по всему миру, пугая и общественность, и экспертов, хотя относятся к периоду строительства арабского социализма и массовых репрессий против исламистов.

Появление во власти современных исламистских партий, для которых национализм – не антитеза исламу, но компонент его универсальной системы, а демократия, права человека и многопартийные выборы – необходимые предпосылки исламского строя, может быть демократизацией «по-арабски». Условие здесь одно – высокий уровень политической ответственности.

Конечно, нельзя забывать и о влиянии внешних сил – международного и регионального сообществ. Для региональной арены характерен рост активности «местных» акторов – Турции, Ирана, КСА, Катара, ОАЭ, стремящихся как использовать ослабление «недружественных режимов» в своих внешнеполитических и экономических интересах, так и помочь «друзьям». Наиболее показательны в этом отношении случаи Сирии, Ливии и Бахрейна, которые мы в настоящей статье не имеем возможности рассмотреть подробно. Отметим, однако, что на Бахрейн впервые в истории Совета по сотрудничеству арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) для сохранения правящего режима были введены военные части группировки. В целом внешняя реакция на арабские кризисы подтверждает неопределенность и многофакторность развития современной международной системы. В отношении рассматриваемых нами трансформаций это может быть и плюсом, и минусом.

Завершить анализ мы хотим словами замечательного исследователя социальных революций Теды Скочпол, которые могут служить критерием для оценки типа и направленности происходящих изменений. В частности, она пишет: «Каждый новый режим опирался на более широкую вовлеченность народа в процесс госу-

дарственного управления страной. Новые государственные организации, возникающие в результате революции, были более централизованными и рационализированными. Таким образом, они были более эффективны для общества и более сильны и самостоятельны для соперников в рамках межгосударственных систем» [Skocpol, 1999, p. 161–162].

Литература

- Ахдаф марказ аль-малик Абдель Азиз лиль-хивар аль-ватаний (Цели Центра национального диалога имени короля Абдель Азиза). – На араб. яз. – Режим доступа: http://www.kacnd.org/center_goals.asp (Дата посещения: 10.02.2012.)
- Аль-Ахрам. 22 января 2012 г. – На араб. яз. – Режим доступа: <http://www.ahram.org.eg/The-First/News/126247.aspx> (Дата посещения: 24.01.2012.)
- Дустур Джумхурийат Миср аль-Арабийя (Конституция Арабской Республики Египет 1971 г. с поправками). – На араб. яз. – Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=190040 (Дата посещения: 12.03.2011.)
- 2010 Index of economic freedom. – Mode of access: http://www.heritage.org/index/pdf/2010/index2010_highlights.pdf (Дата посещения: 24.01.2012.)
- Arab Spring fails to improve U.S. image. Pew research center Q 8. – Режим доступа: <http://www.pewglobal.org/2011/05/17/chapter-3-views-of-democracy-and-the-role-of-islam/> (Дата посещения: 19.11.2011.)
- Arab Spring fails to improve U.S. image. Pew research center Q 57. – Режим доступа: <http://www.pewglobal.org/2011/05/17/chapter-3-views-of-democracy-and-the-role-of-islam/> (Дата посещения: 19.11.2011.)
- Arieff A.* Morocco: Current issues. CRS report for Congress. – 2011. – 29 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21579.pdf> (Дата посещения: 23.02.2012.)
- Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean conference 27–28.11.1995. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2005/july/tradoc_124236.pdf (Дата посещения: 13.02.2012.)
- Bruce S.* Politics & religion. – Cambridge, Malden: Polity press, 2003. – 292 p.
- Carpenter J.S.* Views of Arab democrats: Advice to America on promoting Middle East reform. A Washington Institute Strategic Report. – Washington, D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2008. – 22 p.
- Egypt, democracy and Islam. Pew research center Q 17. – Режим доступа: <http://pewresearch.org/pubs/1874/egypt-protests-democracy-islam-influence-politics-islamic-extremism> (Дата посещения: 18.01.2012.)

- Elhadj E.* The Islamic shield: Arab resistance to democratic and religious reforms. – Baton Rouge, FL: BrownWalker press, 2006. – 272 p.
- Euro-Mediterranean partnership (EUROMED). – Mode of access: http://eeas.europa.eu/euromed/index_en.htm (Дата посещения: 18.01.2012.)
- Fealy G.* Islamisation and politics in Southeast Asia // Islam in world politics / Lahoud N. and Johns A. H (eds.). – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – P. 152–169.
- Final Tunisian election results announced. – Mode of access: <http://www.aljazeera.com/news/africa/2011/11/20111114171420907168.html> (Дата посещения: 24.01.2012.)
- Fiscal year 2008 Agency financial report. – Mode of access: <http://www.usaid.gov/performance/afr/index.html> (Дата посещения: 14.04.2012.)
- Fiscal year 2010 Agency financial report. – Mode of access: <http://www.usaid.gov/performance/afr/index.html> (Дата посещения: 14.04.2012.)
- Huntington S.P.* The clash of civilizations and the remaking of the modern world. – N.Y.: Simon and Schuster, 1996. – 367 p.
- Obama B.* Remarks on the new beginning / Cairo univ., Cairo, Egypt. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09> (Дата посещения: 18.01.2012.)
- Rhein E.* Foreword // Calleya S.C. Evaluating Euro-Mediterranean relations. – Abingdon, N.Y.: Routledge, 2005. – P. ix-xiv.
- Scocpol Th.* States and Social Revolutions: A comparative analysis of France, Russia, & China. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – 479 p.
- Shehata S.* Inside an Egyptian parliamentary campaign // Political participation in the Middle East / Lust-Okar E., Zerhouni S (eds.). – L.; Boulder: Lynne Rienner publishers, 2008. – P. 95–120.
- What Arab democrats want from our next president. The Washington Institute for Near East Policy. – Mode of access: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/what-arab-democrats-want-from-our-next-president> (Дата посещения: 16.02.2012.)